

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ

Написание географических наименований в англосаксонской Англии отличалось разночтениями, к тому же существовали разные варианты названий одних и тех же мест. Например, Лондон в различных источниках называется Лундонией, Лунденбергом, Лунденном, Лунденом, Лунденвиком, Лунденкестером и Лундресом.

Без сомнения, у читателей есть свои любимые варианты в том списке, который я привожу ниже. Но я принимаю написание, предложенное «Оксфордским» или «Кембриджским словарем английских географических названий», хотя словарь, разумеется, не является истиной в последней инстанции. В упомянутом словаре приводятся написания, относящиеся примерно ко времени правления Альфреда — 871–899 годам н. э.; к примеру, название острова Хайлинга в 956 году писалось и «Хейлинсиге», и «Хаэглингейте». Сам я тоже не был слишком последователен, прибегая к современному написанию «Англия» вместо «Инглаланд», используя «Нортумбрия» вместо «Нортхюмбронд» и в то же время давая понять, что границы древнего королевства не совпадали с границами современного графства.

Итак, мой список, как и выбор написания мест, весьма нелогичен.

Альба — королевство, занимавшее территорию большей части современной Шотландии

Бембанбург — Бамбург, Нортумберленд

Бейна — река Бейн

Бемфлеот — Бенфлит, Эссекс

Вавен — река Уэйвени

Вшир — река Уир

- Вилтунскир* — Уилтшир
Винтанкестер — Винчестер, Гемпшир
Гевэск — залив Уош
Гируум — Джерроу, графство Тайн и Уир
Годмундсестр — Годманчестер, Кембриджшир
Гримесби — Гримсби, Линкольншир
Дамнок — Данвич, Суффолк (теперь по большей части затоплен морем)
Дунхолм — Дарем, графство Дарем
Кайр-Лигвалид — Карлайл, Камберленд
Кокедес — остров Кокет, Нортумберленд
Контварабург — Кентербери, Кент
Ледекестр — Лестер, Лестершир
Линдисфарена — Линдисфарн (Священный остров), Нортумберленд
Линкольн — Линкольн, Линкольншир
Лунден — Лондон
Мельдунсбург — Малмсбери, Уилтшир
Сестер — Честер, Чешир
Сирренкастр — Сайренсестер, Глостершир
Страт-Клота — Стратклайд, Шотландия
Стэнфорд — Стамфорд, Линкольншир
Суморсэт — Сомерсет
Тинан — река Тайн
Уз — река Уз (Оуз), Нортумбрия, а также Грейт-Уз, Восточная Англия
Хамбр — река Хамбер
Хорнкастр — Хорнкасл, Линкольншир
Хунтандон — Хантингдон, Кембриджшир
Эофервик (датское название Йорвик) — Йорк, Йоркшир
Этандун — Эдингтон, Уилтшир
Этгефрин — холм Иверинг-Белл, Нортумберленд

Часть первая

КОРОЛЬ

Глава первая

Эта история начиналась с трех кораблей.

Теперь было четыре.

Прибытие трех драккаров к побережью Нортумбрии во времена моего детства привело к цепочке драматических событий: сначала погиб мой старший брат, а через считанные недели сложил голову отец; сразу после этого дядя похитил мои земли, а я стал изгоем. И вот теперь много-много лет спустя, я стоял на том самом берегу и наблюдал за прибытием четырех судов.

Шли они с севера, а все, что приходит с той стороны, не сулит ничего хорошего. Север присылает мороз и лед, норманнов и скоттов. Присылает врагов, которых у меня и без того хватало, поскольку я прибыл в Нортумбрию, чтобы отбить Беббанбург. Прибыл убить своего двоюродного брата, занявшего мое место. Прибыл вернуть свой дом.

Беббанбург располагался южнее. Я не видел его стен с того места, где стояли наши кони, потому как обзор закрывали высокие дюны, но мог наблюдать, как свирепый ветер сносит на запад дым от горящих в крепости очагов. Дым тянуло вглубь материка; он смешивался с серыми облаками и полз в сторону темных Нортумбрийских гор.

Дул резкий ветер. Тянущиеся к Линдисфарене песчаные отмели опоясывала пена от разбивающегося о них прибоя. Вдали от берега бурлили волны с белыми башками. Было пронзительно холодно. В Британии начиналось лето, но на нортумбрийском берегу еще орудовала острым кинжалом зима, и я радовался, что на мне плащ из медвежьей шкуры.

— Скверный день для моряков, — пробормотал Берг.

Это был один из младших моих дружинников, норманн, гордый своим умением обращаться с мечом. За минувший год его волосы стали еще длиннее и теперь спадали из-под шлема пышным конским хвостом. Однажды я видел, как сакс ухватил противника в бою за такую вот гриву, стащил с седла и проткнул копьём, пока длинноволосый все еще дергался на траве.

— Тебе надо подрезать волосы, — посоветовал я Бергу.

— В бою я их подвязываю! — возразил юнец. Потом кивнул в сторону севера. — Они разобьются! Слишком приблизились к берегу!

Четыре корабля следовали береговой линии, но старались держаться в море. Ветер стремился выбросить их на пляж, прижать к мели, ударить и разломать на части, но гребцы налегали на вальки, а рулевые удерживали штевни подальше от прибоя. Море кипело под носами у кораблей, обдавая брызгами их палубы. Боковой ветер был слишком сильным, чтобы поднимать хоть клочок ткани, поэтому тяжелые паруса свернули.

— Чьи они? — спросил мой сын, подведя коня ближе. Ветер развевал его плащ и трепал хвост и гриву лошади.

— Откуда мне знать? — отозвался я.

— Ты раньше их не видел?

— Никогда.

Я знал большинство кораблей на нортумбрийском побережье, но эти четыре были для меня незнакомы. Высокие штевни и низкие борта выдавали боевые корабли, а не купеческие суда. На носу каждого красовалась звериная голова — язычники, значит. По сорок или пятьдесят человек, которые гребут, соревнуясь с бурным морем и жестоким ветром. Прилив усиливался, следовательно, мощное течение стремилось на север, а корабли, зарываясь увенчанными драконьими башками штевнями, пробивались на юг. Я смотрел, как очередной вал обрушился на корпус ближайшего драккара, и он наполовину исчез среди вспоротого волнорезом гребня. Известно ли им про мелководный канал, выющийся за Линдисфареной и дающий укрытие? При низкой воде он хорошо различим, но во время прилива и обезумевшего под напором ветра моря проход скрывали пена и бушующие волны. И четыре корабля, не догадываясь об уютном канале, прошли мимо входа в него, спеша к ближайшей стоянке, обещающей им спасение.

Я развернул коня и повел свои шесть десятков вдоль берега. Гонимые ветром песчинки жалили лицо.

Я не знал, кто на кораблях, но догадывался, куда они идут. В Беббанбург. Я поймал себя на мысли, что моя цель внезапно еще осложнилась.

Нам потребовалось немного времени, чтобы достичь ведущего в Беббанбург пролива. Волны разбивались о берег и теснились в горловине гавани, устилая вход кипящей серой пеной. Вход этот был совсем не широк, и ребенком я частенько переплывал его, но не в разгар

отлива. Одно из самых первых моих воспоминаний — тонущий мальчик, которого течение уносит в пролив. Звали его Эглаф, ему исполнилось лет шесть или семь. Он был сыном священника. Единственным сыном. Странно, как всплывают подчас имена и лица из далекого прошлого. Парень был небольшого роста, гибкий, темноволосый и веселый. Мой старший брат подбил его переплыть через канал, а потом хохотал, когда Эглаф исчез в толчее темных волн и белых гребней. Я заплакал и получил подзатыльник.

— Он был слабаком, — заявил брат.

Как презираем мы слабость! Только женщинам и попам дозволяется быть слабыми. Ну и еще, возможно, поэтам. Бедняга Эглаф погиб, потому что хотел казаться таким же смелым, как все мы, а в итоге доказал, что такой же глупый.

— Эглаф, — проговорил я, когда мы скакали по песчаной полосе берега.

— Что? — переспросил сын.

— Эглаф, — повторил я, не утруждаясь объяснениями, но подумал: люди живы, пока мы помним их имена. Какова эта жизнь, сказать не берусь: возможно, это призраки, плывущие среди облаков, или обитатели какого-то потустороннего мира. В Валгаллу Эглаф попасть не мог, поскольку умер не в бою, да и был, ясное дело, христианином. Значит, угодил в их рай, и оттого мне стало его еще жалче. Христиане утверждают, что в раю им предстоит возносить хвалу их пригвожденному богу! Все время — вечность! Каким же самовлюбленным богом надо быть, чтобы слушать безостановочное восхваление? Это навело меня на мысль о Барвульфe, одном

тане из западных саксов. Тот платил четверем арфистам, и они славили в песнях его деяния на поле брани, а подвигов-то за ним числилось всего ничего. Барвульф был жирный, себялюбивый, алчный боров, а не человек — вот именно таким нравится слушать похвалы своей особе. Христианский Бог представился мне в виде толстого, надутого тана, который хандрит в своем зале для пиров и слушает лесть прихлебателей, лезущих из кожи.

— Они поворачивают! — крикнул сын, прервав ход моих мыслей.

Посмотрев налево, я увидел, как первый из драккаров заходит в канал. Фарватер тут шел по прямой, но неопытного корабельщика могло одурачить сильное приливное течение близ берега. Однако этому кормчему хватило ума предусмотреть такую опасность, и он удерживал длинный корпус судна на ровном курсе.

— Пересчитай людей на борту! — велел я Бергу.

Мы придержали коней на северном берегу пролива, где песок усеивали кучи почерневших водорослей, ракушек и выбеленных от воды деревьяшек.

— Кто это такие? — спросил у меня Рорик — мальчишка, мой новый слуга.

— Норманны, скорее всего, — ответил я. — Вроде тебя.

Я убил отца Рорика и ранил его самого в хаосе битвы с норманнами в Мерсии. Меня мучил стыд за нанесенную юнцу рану — ему было всего девять, когда я ударил его своим клинком Осиное Жало. Чувство вины побудило меня усыновить парня, как давным-давно Рагнар Старший усыновил меня. Левая рука Рорика зажила,

хотя уже никогда не будет такой же сильной, как правая. Щит он держать мог и тем был счастлив. Мне он нравился.

— Норманны! — радостным эхом отозвался он.

— Похоже на то, — буркнул я.

Уверенности у меня не было, но кое-что наводило на мысль, что корабли эти принадлежат скорее норманнам, чем данам. Огромные звериные головы на носу были более живописными, а короткие мачты сильнее завалены в корму, чем у большинства датских судов.

— Не заходи слишком глубоко! — крикнул я Бергу, который завел коня по бабки в кипящее на отмели море.

Прилив с силой устремлялся в канал, волны были в белых барашках от ветра, но я смотрел не на них, а на противоположный берег, лежавший всего шагах в пятидесяти или шестидесяти от нас. На нем виднелась полоска песка, которая вскоре скроется под поднимающейся водой, дальше шли темные скалы, переходящие в высокие каменные укрепления, построенные после моего отца. В центре располагались морские ворота. Много лет назад, с ужасом ожидая моего нападения, дядя замуровал как нижние, так и верхние ворота, совместно выполнявшие роль главного входа в крепость. Зато построил морские ворота, добраться до которых можно было только на корабле или по узкой тропе, проходившей вдоль берега под обращенными к морю укреплениями. Со временем страх его поулегся, и, поскольку снабжать Беббанбург через одни ворота было неудобно и затруднительно, дядя снова открыл пару южных ворот, но и морские оставил. За ними крутая тропинка взбиралась к калитке, прорезанной в бревенчатом час-

токоле, окружающем всю продолговатую вершину скалы, на которой когда-то возвели Беббанбург.

На боевой площадке верхнего частокола собрались люди. Они махали — не нам, а приближающимся кораблям, и я даже слышал их приветственные крики, хотя, может быть, мне это просто померещилось.

Зато копьё не померещилось. Кто-то метнул его с частокола, и я наблюдал за полетом черного древка на фоне темных облаков. На удар сердца оно словно зависло, а затем устремилось вниз, как падающий на добычу сокол, и с тяжелым стуком вонзилось в плещущуюся на отмели воду шагах в четырех или пяти от лошади Берга.

— Дай мне его, — велел я Рорику.

Теперь с укреплений слышались насмешки. Пусть копьё упало с недолетом, бросок все равно получился хорош. Прилетели еще два копья, и оба бесцельно плюхнулись в воду посреди канала. Мальчишка принес первое.

— Опусти острие пониже, — распорядился я.

— Ниже?

— К самому песку.

Я спешился, приподнял край тяжелой кольчуги, расшнуровал штаны и прицелился.

— Держи ровно, — приказал я Рорику. Затем, удостоверившись, что люди на носу у передового корабля смотрят, помочился на острие. Мой сын хмыкнул, Рорик хохотнул.

— А теперь дай сюда, — велел я мальчишке и принял из его рук ясеновое древко.

Первый из кораблей уже вошел в канал, волны с шипением разбивались о его корпус, а гребцы наваливались на весла. Высокий штевень, увенчанный драко-

ней башкой с разинутой пастью и горящими глазами, реял над белопенным морем. Я отвел руку и еще чуть выждал. Трудный бросок, осложненный сильным ветром и тяжестью медвежьего плаща, тянущего руку вниз. Но времени скидывать тяжелый мех не было.

— Вот! — взревел я, обращаясь к кораблю. — Это проклятье Одина!

И метнул копьё.

С двадцати шагов.

Облитое мочой острие угодило именно туда, куда я метил, — в драконий глаз. Древко дрожало, когда корабль пронесся мимо нас, влекомый приливом, и вошел в спокойные воды просторной и неглубокой гавани, укрытой от бури большой скалой, на которой стояла крепость.

Моя крепость. Беббанбург.

Беббанбург.

С того самого дня, как я осознал, что замок у меня украли, я мечтал возратить свой дом. Похитителем был дядя, а теперь его сын, дерзнувший назваться Утредом, удерживал эту великую твердыню. Молва утверждала, что взять ее можно лишь с помощью предательства или измором. Могучая крепость, построенная на высокой скале, почти острове, соединенном с сушей узким перешейком. Мое наследство.

Однажды я едва не отбил форт. Провел своих людей через нижние ворота, но верхние успели в последний момент закрыть, и потому мой двоюродный брат до сих пор правил мощной крепостью близ бурного моря. Над ней развевалось его волчье знамя, и его дружин-

ники насмехались над нами со стен, когда мы повернули прочь, а четыре корабля прошли по фарватеру и обрели безопасный приют в мелководной гавани.

— Сто пятьдесят воинов, — доложил мне Берг. А потом добавил: — Я так думаю.

— А также женщины и дети, — вставил мой сын.

— И это означает, что они намерены остаться, — пробормотал я. — Кем бы они ни были.

Мы обогнули северный край гавани, где пляж затянуло дымом костров, на которых люди кузена коптели сельдь или вываривали соль из морской воды. Эти крестьяне попрятались теперь по домишкам, приютившимся у материкового берега гавани. Они боялись нас и приплывших кораблей, что бросили якорь среди рыбачьих лодок, переживавших штормовой ветер в безопасных водах Беббанбурга. В одной из крытых соломенной хижин залаяла собака, но ее тут же заставили замолчать. Я проскакал между двух домов и поднялся на склон за ними. Наше появление распугало коз, а пастушка, девчушка лет пяти или шести, разревелась и закрыла лицо ладонями. С невысокого гребня я смотрел, как команды четырех кораблей тянутся к берегу с тяжелыми тюками на плечах.

— Мы можем перебить их при выходе на сушу, — предложил сын.

— Теперь уже нет, — ответил я, указывая на нижние ворота, перегораживающие узкий перешеек, что вел к форту. Из-под украшенной черепами арки появились всадники и галопом устремились к гавани.

Берг хмыкнул и указал на ближайший корабль:

— Господин, твое копые еще там!

— Удачный получился бросок, — с усмешкой согласился сын.

— Не в удаче дело, — возразил Берг. — Один направлял это оружие.

Благочестивый был молодой человек.

Всадники посылали прибывших по морю воинов к деревенским хижинам, а не к могучей крепости на высокой скале. Команды складывали кучами свои пожитки на берегу; затем наступил черед связок копий, кипщитов, секир и мечей. Женщины переносили на пляж маленьких детей. Ветер доносил обрывки разговоров и смеха. Вновь прибывшие явно собирались задержаться. Как бы с целью показать, что теперь это их земля, один из мужчин поднял на берегу флаг, воткнув древко в гальку. Холодный ветер развернул полотнище; знамя было серое.

— Что на нем изображено? — спросил я.

— Драконья голова, — ответил Берг.

— Кто у нас ходит под драконьей головой? — поинтересовался сын.

— Никто из моих знакомых. — Я пожал плечами.

— Вот бы поглядеть на дракона, — с тоской пробормотал Берг.

Не знаю, существуют ли драконы на самом деле. Я ни одного не видел. Отец рассказывал, что они обитают в высоких горах и питаются коровами и овцами, но Беокка, отцовский поп и мой детский наставник, был уверен, что драконы спят глубоко под землей.

— Это создания Сатаны, — говорил мне он. — Они прячутся в недрах, дожидаясь конца света. А когда трубы небесные возвестят о втором пришествии Христа, драконы подобно демонам вырвутся из-под земли! И на-

падут! Их крылья закроют солнце, дыхание опалит землю, изрыгаемый ими огонь сожжет праведников!

— Значит, мы все умрем?

— Нет-нет-нет! Мы будем сражаться с ними!

— Да как же можно сражаться с драконом? — изумился я.

— Молитвой, мальчик. Молитвой.

— Значит, мы все умрем, — сделал я вывод, и Беока отвесил мне подзатыльник.

И вот теперь четыре корабля доставили в Беббанбург драконье отродье. Мой двоюродный брат знал, что над ним нависла угроза. Много лет он жил в безопасности под защитой неприступной крепости и нортумбрийских королей. Те короли были моими врагами. Чтобы напасть на Беббанбург, мне пришлось бы продираться с боем через Нортумбрию и бить армии данов и норманнов, которые объединились бы в стремлении защитить свои земли. Но теперь в Эофервике правил муж моей дочери Стиорры, а язычники Нортумбрии сделались моими друзьями. Поэтому я мог беспрепятственно проскакать от мерсийской границы до Беббанбурга. Целый месяц я пользовался этой свободой, чтобы вытаптывать пастбища кузена, разорять имения, убивать его вассалов, угонять скот и красоваться под стенами форта. Двоюродный брат не выступил против меня, предпочитая сидеть за внушительными укреплениями. Теперь к нему подоспели свежие силы. Воины, сносившие на берег щиты и оружие, наверняка были наняты для обороны Беббанбурга. До меня доходили слухи, что родич готов раскошелиться на таких людей, и вот мы наблюдали их прибытие. Теперь они здесь.

— Нас больше, — напомнил Утред.

В холмах к западу стояли лагерем две сотни моих людей, поэтому, действительно, дойди дело до боя, мы превзошли бы вновь прибывших числом, но только если кузен не выведет им на подмогу свой гарнизон. В общей сложности под его рукой оказалось четыре сотни копий, и жизнь моя воистину сделалась более трудной.

— Мы спустимся и встретимся с ними, — решил я.

— Спустимся?! — изумленно переспросил Берг.

Нас в тот день было всего шестьдесят, вдвое меньше, чем неприятелей.

— Надо выяснить, кто они такие, — объяснил я. — Прежде чем их перебить. Нужно соблюдать вежливость.

Я указал на согнутое ветром дерево:

— Рорик! Срежь с этого граба ветку и держи ее на манер флага. — Затем я повысил голос, чтобы все мои воины слышали: — Переверните щиты!

Я выждал, когда Рорик обзаведется корявой веткой, призванной стать символом мира, а мои дружинники с ворчанием развернут щиты так, что волчья голова окажется направленной к земле, затем тронул Тинтрега, моего темного скакуна, вниз по склону. Ехали мы не быстро, я хотел убедить пришельцев, что мы идем не с враждебными намерениями.

Новички выступили нам навстречу. Дюжина человек в сопровождении двух десятков всадников моего кузена двигалась по тропе через пастбище, на котором щипали чертополох крестьянские козы. Конных вел Вальдер, командир ближней дружины Беббанбурга. Я встречался с ним за две недели до этого. Он приехал в мой лагерь в западных холмах с горсткой людей под ветвью переговоров и с дерзким требованием убираться из вла-

дений моего двоюродного брата, пока нас не перебили. Я отверг предложение и посмеялся над Вальдером, но знал его как опасного и опытного вояку, закаленного в бесчисленных схватках с грабителями-скоттами. Как и я, он надел плащ из медвежьей шкуры, на левом боку висел тяжелый меч. На голове был железный шлем, увенчанный когтистой орлиной лапой. Серые глаза смотрели угрюмо с плоского лица воина, а широкий рот, прятавшийся в седой бороде, выглядел так, будто улыбка для него дело чуждое. На щите у него был намалеван тот же символ, что и у меня, — волчья голова. То был герб Беббанбурга, и я от него никогда не отказывался. Вальдер вскинул руку в рукавице, приказывая своим остановиться, и подвел лошадь на несколько шагов ближе ко мне.

— Ты пришел сдаваться? — поинтересовался он.

— Спросить, как тебя зовут, а то забыл, — сказал я.

— У большинства людей дерьмо льется из задницы, — парировал он. — А у тебя изо рта.

— А твоя мать через задницу рожала, — заявил я. — И ты до сих пор воняешь ее дерьмом.

Обмен оскорблениями был делом привычным. Нельзя встретиться с врагом и не унижить его. Сначала мы поливали друг друга ругательствами, затем кидались в бой. Впрочем, я сомневался, что сегодня дойдет до мечей. Но готовность к бою изображать требовалось все равно.

— Две минуты, — предупредил Вальдер. — Потом мы нападем на вас.

— Я пришел с миром. — Я кивнул на ветвь.

— Считаю до двухсот, — сказал Вальдер.

— Но у тебя всего десять пальцев, — заметил сын, и мои люди рассмеялись.

— До двухсот, — прорычал Вальдер. — А потом я засуну твою ветвь мира тебе в задницу.

— А ты кто такой? — Этот вопрос я обратил к человеку, который поднялся по склону и встал рядом с Вальдером. Я предположил, что передо мной вожак вновь прибывших. Это был рослый, бледный мужчина с копной рыжих волос, забранных наверх с высокого лба и спадающих на спину. Одет он был богато, на шее красовалось золотое ожерелье, на руках сверкали золотые же кольца. Пряжка пояса тоже была из золота, да и перекрестье эфеса меча играло отблесками этого металла. На вид ему было лет тридцать. Широкоплечий, с вытянутым лицом, совсем бесцветными глазами и с вытатуированными драконьими головами на щеках.

— Назовись! — потребовал я.

— Не отвечай! — рявкнул Вальдер. Он говорил по-английски, хотя вопрос я задал по-датски.

— Берг, — бросил я, не отводя взгляда от новичка. — Если этот дерьмоголовый ублюдок еще раз перебьет меня, считай это нарушением перемирия и убей его.

— Да, господин.

Вальдер окрысился, но язык прикусил. Мы пока превосходили числом, хотя с каждым потраченным на этом пастбище мигом подтягивалось все больше вновь прибывших, и все были со щитами и с оружием. Еще чуть-чуть, и перевес окажется на их стороне.

— Так кто ты такой? — повторил я вопрос.

— Мое имя Эйнар Эглисон, — гордо заявил он. — Меня называют Эйнаром Белым.

— Ты норманн?

— Да.

— А я — Утред Беббанбургский, — сообщил я ему. — Меня называют разными именами. Больше всего я горжусь прозвищем Утрэдэрв, то бишь Утред Нечестивый.

— Слышал я, что про тебя болтают, — сказал он.

— Ты обо мне наслышан, а вот я о тебе — нет! Поэтому ты и приплыл — рассчитываешь прославить свое имя, убив меня?

— Да, — признал норманн.

— А если я тебя убью, Эйнар Эглисон, добавит ли это славы мне? — Я покачал головой, отвечая на свой вопрос. — Кто оплачет тебя? Кто тебя вспомнит? — Я плюнул в сторону Вальдера. — Эти люди заплатили тебе за мою смерть. Знаешь почему?

— Расскажи, — предложил Эйнар.

— Когда я был ребенком, они попытались убить меня, но им не удалось. Им никогда не удавалось. А знаешь почему?

— Расскажи, — повторил он.

— Потому что они прокляты, — заявил я. — Потому что они поклоняются пригвожденному Богу христиан, а тот им не помогает. Они презирают наших богов. — Я видел вырезанный из белой кости молот у Эйнара на шее. — Много-много лет назад, Эйнар Эглисон, я наслал на них проклятье Одина, навлек на них гнев Тора. И ты возьмешь их грязное золото?

— Золото, оно и есть золото.

— И я наслал точно такое же проклятие на твой корабль.

Он кивнул и коснулся белого молота.